

Виктор Платонович Некрасов

Сенька

– 1 –

В первой половине дня Сенька кое-как еще держал себя в руках, но когда после небольшого перерыва самолеты стали заходить не только со стороны солнца, а сразу со всех четырех сторон, он почувствовал, что больше не может. Тело дрожало мелкой противной дрожью, и, если он чуть-чуть ослаблял челюсти, зубы начинали стучать друг о друга совсем так, как это было, когда он болел малярией. В животе что-то замирало. Во рту было сухо и горько от табачного дыма. Утром у него был еще полный мешочек табаку, сейчас осталась одна пыль – трехдневную норму он искурил за полдня.

«На две штуки осталось, – подумал Сенька, насыпая смешавшуюся с хлебными крошками пыль на бумажку, – а потом...»

Но он так и не успел додумать, что случится потом. Целая куча («Штук сто», – мелькнуло у Сеньки в голове) самолетов с красными лапами стали пикировать прямо на него. Он выронил мешочек, бумажку, засунул голову меж колен, стиснул зубы и, крепко зажмурив глаза, сидел так, пока не прекратились взрывы. Потом осторожно приоткрыл глаза и высунул голову из щели. Сквозь несущийся куда-то влево дым мелькнуло черное крыло самолета с черным крестом. Сенька опять закрыл глаза. Но ничего не случилось. Самолет улетел.

«Господи боже мой... Да что же это такое... Господи боже мой...»

Сенька стал искать бумажку, потом мешочек с табаком, потом скрутил сигарку, но пальцы дрожали, табак рассыпался, и сигарка получилась тоненькая и жалкая.

Мимо прополз Титков – пулеметчик второго взвода. Лицо у него было все мокрое, с прилипшей ко лбу и щекам землей. Правая рука болталась, как тряпка, и волочилась по земле. Он на минутку задержался у Сенькиной щели, затянулся его сигаркой и пополз дальше.

«Отвоевался», – подумал Сенька, и ему сразу представилось, как Шура-санинструкторша перевязывает Титкову руку, как трясется он на подводе в медсанбат, как лежит там на соломе.

Над рощей опять появились самолеты. Проходившие мимо Сенькиной щели какие-то бойцы, увидав самолеты, рассыпались во все стороны. Кто-то тяжелый и горячий вскочил прямо на Сеньку и прижал его к земле.

Бомбы рвались долго, совсем рядом, а когда перестали рваться, Сенька попытался разогнуться. Но тяжелое лежало на нем и не хотело сползать. Сенька выругался, но тяжелое все лежало. Он уперся руками в землю и свалил тяжелое в сторону. Здоровенный боец в расстегнутой, совершенно мокрой от пота гимнастерке лежал рядом и смотрел на Сеньку остановившимися, немигающими глазами.

Сеньке стало страшно.

Вчера, когда они на машинах ехали на передовую, он видел только лошадей – вздутых, с раскоряченными ногами лошадей, валявшихся на дороге. Людей, вероятно, убрали. А вот этот лежал совсем рядом, большой, теплый еще... И рука за голову закинута.

Мимо щели один за другим, обвешанные минами и котелками, согнувшись, волоча за собой пулеметы, перебегали бойцы. Самолеты делали второй заход.

«Опять, сволочи...»

Грохот укатился куда-то в сторону. Густая, удушливая пыль стелилась по земле. Ничего не было видно – ни неба, ни рощи, – ничего, только тускло поблескивал затылок винтовки на бруствере. Сенька со злобой посмотрел на нее.

«Палка», – подумал он и протянул к винтовке руку.

Он не принимал никакого решения, он просто снял винтовку с бруствера, зажал ее меж колен, взвел курок, положил руку на дуло, зажмурил глаза и нажал крючок.

Он не услышал выстрела. Что-то сильно толкнуло и обожгло ладонь. И сразу все тело охватила слабость. Пальцы беспомощно повисли. Тоненькими ручейками по ним текла кровь и капала на штанину. Большое красное пятно расплывалось по колену.

Кто-то крикнул над самым ухом:

– Какого черта стреляешь, дурья голова!

Сенька поднял голову. Перед ним сидел командир взвода. Сенька безразлично посмотрел на него, потом на руку, потом опять на него. Лейтенант, кажется, что-то кричал, но Сенька ничего не слышал. Он смотрел на серое от пыли, небритое лицо, видел, как шевелятся губы, блестят злые, колющие глаза, но слов не слышал. Он знал только одно: сейчас он вылезет из этой щели и пойдет туда, назад, к речке, где нет самолетов, нет этого бойца с остановившимися глазами, нет всего этого... И он сидел и слушал и ничего не говорил, а потом, – он даже не помнит, лейтенант ли ему приказал или сам так решил, – напялил скатку, затянул и перекинул через плечо мешок и, опершись о винтовку, вылез из щели. Боли в руке не чувствовал никакой.

Откуда-то появился младший сержант – Сенька забыл его фамилию. Сидел тут же на корточках.

– Отведешь его к командиру роты, а потом в медсанбат...

Младший сержант что-то ответил и ткнул Сеньку в бок прикладом автомата.

– Пошли...

И они пошли – он и младший сержант.

Командира роты не застали, а заместитель по строевой приказал прямо в медсанбат вести – там уж знают, что с такими делать.

– Пристрелил бы на месте, да патрона жалко...

Только когда они отошли шагов на сто, содержание этой фразы дошло до Сенькиного мозга. Он обернулся, но лейтенанта уже не было. Они пошли дальше. Впереди маячили телеграфные столбы с оборванными проводами.

– 2 –

В медсанбате у большой, забросанной ветками палатки толпились бойцы. Лежали, сидели, просто так слонялись. Забегали и выбегали из палатки сестры в грязных пятнистых халатах. Большие крытые машины пятились и урчали вокруг палаток. Двое бойцов без рубашек, ругаясь, выносили и клали на машины носилки с ранеными. Раненые молчали и с тревогой смотрели на небо. Там, над передовой, – отсюда до нее было километров шесть-семь, – опять пикировали самолеты. Самой передовой не было видно – мешал кустарник, но распускавшиеся над ней букеты разрывов были видны отчетливо, и Сенька почувствовал, как поползли мурашки у него по спине. Он отвернулся и стал смотреть на машину, которую грузили.

Младший сержант сидел рядом и молча курил. За всю дорогу он не сказал ни слова. Сеньке хотелось попросить у него закурить, но он не решился.

«Откажет, должно быть», – подумал он и проглотил слюну.

Мимо пробежал маленький черненький человечек в халате и больших круглых очках. Он приостановился на секунду и торопливо, не глядя бросил:

– Леворучник?

– Леворучник, – ответил младший сержант и встал.

– Давай сюда... – И человек в очках забежал в палатку.

В палатке было душно и пахло чем-то резким и неприятным. Вдоль стен сидели раненые бойцы. Посредине стояло два белых стола, покрытых клеенкой. На одном лежал боец с закинутой назад головой. Был виден только шершавый, небритый подбородок. Он тихо, монотонно стонал. Одной ноги у него не было, а вместо нее было что-то красное, с завернутой кожей и куском торчащей кости. Высокий человек, тоже в халате, наклонившись, ковырялся в этом красном чем-то очень блестящим.

«Господи... – подумал Сенька, – что же это такое?..» – и почувствовал, что его начинает тошнить.

– Рубашку скинь... и сюда садись...

Маленький в очках коленом пододвинул табуретку. Сенька с трудом – левая рука стала тяжелая и неповоротливая, хотя и не болела совсем, – снял через голову скатку, потом стал стягивать гимнастерку и нательную рубаху. Рука никак не вытягивалась и путалась в рукаве.

«И зачем это? – подумал Сенька. – Ведь у меня все цело, рука только... А он рубаху заставляет...»

– На табуретку садись. Сколько раз говорить надо?

Сенька сел и положил руку на колено ладонью вверх. Кровь перестала идти, но где, собственно говоря, рана, он так и не мог понять – все залепилось, покрылось грязью.

– Сколько лет? – спросил маленький в очках, должно быть доктор.

Сенька не понял, о чем его спросили.

– Ну, какого года?

– Я? С двадцать четвертого, – нерешительно ответил Сенька.

– Двадцать четвертого, а как бык здоровый, – сказал доктор и пощупал тугие Сенькины бицепсы. – И не стыдно тебе?

Сенька ничего не ответил.

– Одной рукой двух фрицев задушишь, а ты вместо того... – Доктор не договорил и быстрым движением ущипнул Сеньку за живот, оттянул кожу и всадил в нее большую иглу с чем-то стеклянным посредине. Сенька вздрогнул, но не от боли, а от неожиданности.

Потом доктор мокрой ваткой долго мыл его ладонь, и это уже было больно. Потом кому-то, не оборачиваясь, крикнул: «Сухо...» – и сестра в блестящих щипчиках принесла бинт, и доктор туго обмотал ладонь.

– Все... Одевайся.

Сенька натянул рубаху, гимнастерку и, не зная, можно ли садиться на табуретку, отошел немножко в сторону и стал смотреть, как со стола снимают раненого без ноги.

– Ну, чего тебе еще?

Доктор снизу вверх смотрел на него, и Сеньке стало вдруг неловко.

– Где твой... что привел тебя?

– Там... на дворе.

– Скажи, чтоб в четвертую палатку отвел.

Сенька вышел.

В четвертой палатке оказался только один раненый. Он спал на соломе, раскинув ноги и положив белую, перебинтованную руку на живот. У входа стоял часовой.

Сенька взбил солому, положил в голову скатку и растянулся рядом с раненым. Со двора доносились гудки автомашин. Где-то совсем недалеко все еще гроыхало. Сенька лежал и смотрел на зеленое, свисающее над его головой полотно палатки. Потом закрыл глаза и долго лежал с закрытыми глазами...

...Подбежал старый, одноглазый, с облезлым хвостом Цыган. Повилил хвостом, лизнул руку и побежал дальше... Потом появилась большая миска с пельменями. Они были очень горячие, а мать подкладывала еще и еще. Из-за окна доносилась гармошка. Он торопился доест пельмени, чтоб пойти с ребятами на Енисей, но вспомнил, что отец велел починить крыльцо. Стал искать топор...

Кто-то вошел и вышел из палатки. Сенька открыл глаза, но в палатке уже никого не было. Только пола палатки слабо раскачивалась. Спящий рядом боец что-то бормотал во сне. Сенька опять закрыл глаза.

...Енисей – широкий-широкий. И маленькая лодочка на нем. В ней отец. Здесь таких рек нет. Все маленькие какие-то, закисшие, желтые. И лесов здесь нет. Разве это леса? Дубки, осинки...

И вообще ни черта не поймешь.

Сказали, немца приехали бить... А где немец? Привезли с вечера, велели окопаться. Сказали, что это уже передовая и за той вот сопочкой первый эшелон находится. Но ни

эшелона, ни немцев Сенька не увидел. Поужинал сухарями из мешка – кухня где-то застряла сзади, – стал копать себе окопчик. Грунт был мягкий, хороший. Сенька быстро выкопал окопчик на всю длину лопаты, сделал бруствер в ту сторону, где сказали – немцы, замаскировал бурьяном, на дно положил мягкой пахучей травы и лег спать – до утра командир взвода разрешил спать. И Сенька заснул, пристроив винтовку между коленями.

А утром... Как началось... Как началось...

Политрук все говорил, что немец штыка боится. И Сенька так научился работать штыком, что чучело из земли чуть ли не с корнем вырывал. И гранату во всем батальоне дальше всех бросал, дальше командира батальона даже... Но вот бросал, бросал, два месяца бросал – а что толку? Немец вовсе в воздухе оказался – ни штыком, ни гранатой не достанешь.

Лежавший рядом боец зашевелился, перевернулся в сторону Сеньки, почмокал губами и проснулся. Некоторое время он лежа смотрел на Сеньку, потом сел, поджал ноги и спросил:

- Из тридцать седьмого?
- Из тридцать девятого.
- Это что во втором эшелоне лежит?

Сенька кивнул головой. Боец улыбнулся. У него черные редкие зубы, мелкие морщины на всем лице и маленькие блестящие глазки с короткими, прямыми ресницами. Левая ладонь так же, как и у Сеньки, была перевязана и подвязана к шее.

– Сам? – боец глазами указал на Сенькину руку.

Сенька почувствовал, что уши у него становятся горячими, и ничего не ответил.

– Ты не бойся... Говори.

Сенька переложил руку на другое колено – она стала вдруг ныть – и уставился в кончик своего сапога.

– Да ты что – немой? Или контузило? Звать тебя как?

– Сенькой.

– Семен, значит. А фамилия?

– Коротков фамилия.

– Ну, а меня Ахрамеев – Филипп Филиппович Ахрамеев. Будем знакомы. – И он протянул руку.

Сенька пожал сухую, горячую ладонь.

– Боишься, что ли? – боец криво улыбнулся и похлопал здоровой рукой Сеньку по колену. – Зря... Зря боишься. Сойдет. С месячишко отдохнем, а там... мало-мало заживет и стрелача дадим. До излечения все равно судить не будут. Это уж я знаю, – он потянулся и зевнул. – А может, и отбрешемся еще.

Сенька молчал.

Боец вытащил из-под соломы плоскую железную коробочку, в которой немцы носят ружейные принадлежности, и ловко одной рукой и губами свернул сигарку.

– Тебе, правда, маленько хужей. Мы хоть на передовой все время толклись, а у вас, в тридцать девятом, кроме бомбежки, ни черта... Пулевое ранение. Начнутся вопросы, расспросы... Ты через котелок стрелял?

– Через какой котелок? – не понял Сенька.

– Через котелок, спрашиваю, стрелял или через мокрую тряпку?

– Нет. Просто так... – Сенька опять почувствовал свои уши.

– Эх, голова ты... – вздохнул боец. – Разве делают так? Котелок, тряпка – они ж ожог скрывают. А ожог – что? Первая улика, – и он опять зевнул. – А в общем, ни хрена, драпанем, не тужи... – Он вытянулся на соломе и молча стал курить, сплевывая в сторону крошки махорки.

Сенька взял «сороковку», докурил ее до самых пальцев и вскоре заснул.

Вечером принесли пшеничного супа с куском хлеба, а потом пришел полковой химик – старший лейтенант, – вынул лист бумаги и, присев на корточки, стал спрашивать Сеньку, где он родился, сколько ему лет, где учился и еще много вопросов. Сенька на все отвечал, а старший лейтенант записывал. Потом старший лейтенант прочел записанное и велел подписаться на каждом листочке. Сенька подписал. Старший лейтенант аккуратно сложил листочки пополам, всунул в планшетку и, ничего не говоря, ушел.

«За человека не считает», – подумал Сенька и вспомнил, как он когда-то угощал этого самого старшего лейтенанта домашней, крепкой махорочкой и как тот после этого всегда при встрече с Сенькой весело говорил: «Ну как, орел, покурим, что ли, твоей сибирской, крепенькой?»

Сейчас о махорке он даже не заикнулся.

– Дознаватель, – сказал из своего угла Ахрамеев, – ерундовина... Вот когда следователь будет, тогда узнаешь.

– А что, еще и следователь будет? – спросил Сенька.

– А как же! Он-то уж поговорит, будь уверен, – сказал Ахрамеев и встал. – Выйдем-ка посмотрим, что на божьем свете делается.

Они вышли. Сели у входа в палатку.

У перевязочной все так же толклись бойцы – запыленные, в выцветших гимнастерках, черных от грязи бинтах.

Мимо прошел боец, опираясь на палочку.

– Ну, как там; браток? – спросил Ахрамеев.

– Не видишь, что ли... – Боец кивнул головой в сторону передовой и спросил, где регистрируют.

Над передовой один за другим пикировали немецкие самолеты. Какие-то новые, не похожие на утренние – маленькие, двукрылые, точно бабочки. Они долго кружились один за другим, потом камнем, совсем отвесно падали вниз.

– Хозяева... Хозяева в воздухе... Ты только посмотри. – Ахрамеев в сердцах сплюнул. – Что хотят, то и делают.

Сенька ничего не ответил. Он посмотрел на желтоватое облако, плывущее над передовой, и у него опять мурашки по спине пошли.

– Пойди вот потягайся с ними. Сегодня утром один наш «ястребок» в бой вступил. Так они его, бедняжку, так гоняли, так гоняли... А потом сбили. Туда куда-то, за лес упал. – Ахрамеев протяжно вздохнул. – Не война, а убийство сплошное.

Сенька, скосившись, посмотрел на Ахрамеева. Тот сидел, поджав к подбородку колени, и тоже смотрел туда, где бомбят. Потом взглянул на Сеньку:

– Вот я на тебя смотрю. Парень здоровый – кровь с молоком. Тебе жить надо. Жить. А тебя под бомбы, как скотину, гонят. Я вот старик, а и то жить хочу. Кому, умирать охота! Да по-бестолковому еще... Мясорубка – вот что это, а не война.

– Нельзя так говорить, – сказал Сенька, не поворачиваясь.

Ахрамеев даже рассмеялся мелким, сухим смешком.

– Нельзя, говоришь? А руку зачем продырявил? Чтоб немца сдержать, что ли? Ты уж хвостом не верти. Сделал так сделал. И правильно сделал. Голова, значит, еще работает у тебя. А посидел бы еще на передовой, совсем бы ее лишился, или вот так, как этого, на носилках приволокли бы. – И он подбородком указал на раненого на носилках.

Это был тот самый без ноги, которого Сенька видел в перевязочной. Лицо у него было совсем белое и еще гуще обросло бородой. Он держался руками за края носилок и при каждом шаге носильщиков морщился.

«Что теперь парень делать будет? – подумал Сенька. – Ни пахать, ни плотничать... Сиди весь век и на других смотри...» Или без руки... Сенька видел одного – обе руки оторвало. По локти. По малой нужде и то сам ходить не мог – просил, чтоб помогли.

Сенька сжал кулак. Посмотрел на него. Хороший кулак. И рука хорошая. Крепкая. Сеньке вдруг ужасно захотелось поработать топором. Отец говорил, хороший плотник из него

получится – и сила есть, и точность, и глаз хороший. Руки – это все. Нельзя без рук жить... И Сенька опять сжал кулак и посмотрел на него.

Ахрамеев что-то говорил. Сенька поймал только конец фразы:

– ...За месяц чего только не случится. Время, время надо протянуть. Вот что надо. А там...

Сенька посмотрел на Ахрамеева. Тот по-прежнему сидел, поджав ноги к подбородку. И Сенька вдруг почувствовал, что еще минута, и он ударит кулаком по этому желтому, морщинистому лицу. Он даже не знал, почему и за что, Ахрамеев ничего ему не сделал. Он так же, как и Сенька, выстрелил себе в ладонь, чтобы...

Сенька встал и пошел в палатку. Стоявший у входа часовой пристально посмотрел на него.

«Чего он смотрит? Людей, что ли, не видел. Его бы туда, к бомбам поближе...»

Когда Ахрамеев зашел в палатку, Сенька сделал вид, что спит.

– 4 –

Весь следующий день Сенька просидел у входа в палатку и смотрел туда, где рвутся бомбы.

С передовой шли раненые, и он искал среди них знакомых. Прошло несколько человек из пятой и шестой роты. Он хотел их остановить, но почему-то не сделал этого. Они прошли в перевязочную, а Сенька продолжал сидеть и смотреть туда, за кустарник, где клубилось и гроыхало небо, где остались Тимошка и Синцов, и командир взвода, и еще человек двадцать ребят, с которыми он вместе жил, и из одного котелка ел, и впятером один бычок курили.

А может, их уже и в живых нет. А те, что живые, увидят его, Сеньку, и...

На третий день в перевязочной он увидел старшину своей роты. В Татьяновке, под Купянском, они жили с ним в одной хате. Сенька даже ремень ему свой подарил – хороший, желтый, совсем новый. Неплохой был старшина. Бойцы всегда были сыты. А что еще бойцу от старшины надо? Чтоб кормил хорошо и белье чаще менял. А что ругается, так это уж им, старшинам, так положено. А Пушкив хоть и много ругался, но о бойцах заботился крепко.

После перевязки Сенька подошел к Пушкиву. Он стоял у стола и ждал, пока фельдшер напишет ему какую-то бумажку.

– Здравствуйте, товарищ старшина, – негромко сказал Сенька и поднес руку к пилотке.

Старшина оглянулся и посмотрел на него, потом на его руку.

– Тоже ранило? – спросил Сенька и стал глазами искать, куда же старшину ранило.

– Нет, – коротко ответил тот и отвернулся.

Сенька переступил с ноги на ногу, посмотрел на такую знакомую, широкую спину, на свой постаревший ремень и опять спросил:

– Ну, как там?.. На передовой...

Старшина ничего не ответил, стоял и смотрел, как фельдшер пишет бумажку: тот быстро-быстро водил пером по ней.

«Не расслышал», – подумал Сенька и опять собрался задать тот же вопрос: уж очень ему хотелось знать, живы ли Тимошка и Синцов. Но тут старшина круто повернулся и с разгона налетел на него.

«Сейчас облает», – подумал Сенька. Но тот не облаял, даже слова не сказал, а, засовывая бумажку в боковой карман, пошел к выходу. Сенька постоял, потом тоже вышел.

Старшина стоял у подводы и, насвистывая, взбивал сено.

«Подойти к нему, попроситься – возьмет, может...»

Старшина снимал с лошадей мешки с овсом и вставлял мундштуки.

«Так прямо и скажу. Что угодно пускай делают. Гранаты могу бросать. Патроны подносить...»

Он вытер выступивший вдруг на лбу пот и подошел к повозке. Старшина уже сидел в ней, умащиваясь.

– Товарищ старшина...

Пушков повернулся.

Лицо у него было усталое и какое-то старое. Он здорово похудел за последние дни.

– Чего тебе?

– Возьмите меня, товарищ старшина...

Больше он ничего не смог сказать.

– Тебя?

Сенька мотнул головой. Во рту пересохло, и язык вдруг стал большой и неповоротливый. Старшина поправил шинель под собой.

– Пошел, Сирко... – и дернул вожжи.

Подвода затряслась по ухабам, подымая тучи пыли, потом скрылась за поворотом. Сенька проводил ее глазами, вошел в палатку и до обеда лежал, уткнувшись лицом в солому.

Больше он ни к кому уже не подходил.

– 5 –

На передовой что-то изменилось. Стрельба приблизилась. В рожицу и вокруг нее сначала редко, а потом все чаще и чаще начали падать снаряды. Раненых стало так много, что ими заполнили не только их с Ахрамеевым палатку, но раскладывали их прямо на земле в кустах. Доктора и сестры сбивались с ног. Операционная работала круглые сутки без всякого перерыва. Возле нее вырастали горы бинтов и ваты, и над ними тучами роились зеленые жирные мухи, и два раза в день эти горы куда-то выносили, а через час-два они опять вырастали.

– Плохо дело, – говорили бойцы. – Авиация одолевает,дохнуть не дает...

Бойцы были из разных полков, из разных дивизий, но все говорили одно – жмут немцы, спасу нет.

Рядом с Сенькой положили худенького с наголо выбритой круглой головой сержанта-разведчика. У него были большие, черные, вероятно когда-то очень веселые глаза. Ранен он был в обе ноги. Четырьмя осколками. Пятый сидел где-то в ключице. Лежал он все время на спине, но не стонал и не жаловался, только воды все просил – у него был жар.

– Где это тебя так разделало? – насколько мог, участливо спросил Сенька, – ему очень жалко было худенького сержанта.

– На mine подорвался, в разведке, – сказал сержант и, тяжело дыша и поминутно кашляя, стал рассказывать, как он с тремя разведчиками, – командира взвода убило, и он его заменил, – пошел за «языком», как они достали этого «языка», а на обратном пути сбились, попали в минное поле, и вот только он один и остался жив – всех четверых, с фрицем вместе, на клочки разорвало.

Сенька молча слушал и сочувственно смотрел на сержанта.

«Какой он худенький, совсем пацан», – думал он и сравнивал свою мускулистую жилистую руку с тоненькой, совсем как у девочки, рукой сержанта, выглядывавшей из рваного рукава.

– Повезло тебе, – сказал Сенька.

– Повезло, – улыбнулся сержант.

– А ты давно воюешь?

– Я? Дай бог. С первого дня. От самой границы. Третий раз вот уже ранен.

– Третий раз? – удивился Сенька.

– Третий. Под Смоленском, под Ржевом и вот здесь теперь.

– И все живой остаешься?

– Как видишь, – сержант медленно, с натугой улыбнулся, ему, по-видимому, трудно было улыбаться. – Водички нету?

– Я сейчас принесу, – сказал Сенька и побежал на кухню.

Когда он вернулся, сержант лежал и тяжело дышал. Лицо его стало совсем красным.

– Жар, должно быть, – сказал Сенька и поднес кружку к сухим, потрескавшимся губам сержанта. Тот с трудом сделал несколько глотков, откинулся назад и слабо выругался.

– Обидно, черт возьми! – он опять выругался. – Не увижу больше ребят. Перебьют всех, пока выздоровею.

– Может, и не всех, – сказал Сенька.

– Да и в полк другой пошлют. Все равно не увижу.

– Тебе что – кости перебило?

– Кости. На обеих ногах кости.

Сенька смотрел на его ноги – обмотанные во всю длину, толстые и какие-то квадратные, только кончики пальцев выглядывали.

– Да, долго тебе лежать.

– Долго, – вздохнул сержант и опять попросил пить. – С полгода проваляюсь. Как колода. А ребята воевать будут...

Больше он ничего не сказал. Закрыв глаза и долго лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

«Как бы не помер», – подумал Сенька, и ему еще более жалко стало худенького сержанта. Он осторожно приподнял бритую голову его, – она была горяча, как огонь, – и подложил свою скатку.

Ночью сержант стал бредить – вспоминать Полтаву, Клашу, ругать какого-то старшину, – и Сенька всю ночь менял ему холодную, мокрую тряпку на лбу. К утру бред прошел, жар отпустил, и часа два сержант спал спокойно. Сенька тоже вздремнул.

Только утром заметил Сенька, что у сержанта на груди Красная Звезда. На одном уголке эмаль облупилась. «Такой молоденький – и уже орден», – подумал Сенька и побежал за завтраком.

– За что это ты орден получил? – спросил потом Сенька, кормя сержанта с ложечки.

– За что дают, за то и получил, – уклончиво ответил Николай, – сержанта звали Николаем, – и облизал ложку.

– И давно получил?

– Давно.

«Смелый, должно быть, – подумал Сенька. – По морде видать, что смелый. А ведь такой худенький, хлипкий».

После завтрака Николаю захотелось оправиться, и Сенька бегал за судном, – оно было одно на весь санбат, и на него была очередь, – и помогал Николаю с ним сладить.

– Ты мировая няня, – сказал Николай, и Сеньке это было ужасно приятно.

Когда Николая унесли на перевязку, Сенька нарвал свежей травы и подложил под плащ-палатку, на которой Николай лежал. А на обед выклянчил у повара лишний кусок мяса, но у Николая не было аппетита, и пришлось ему самому съесть.

– Аппетитец у тебя – дай бог, – улыбнулся Николай.

Сенька смутился и отставил котелок.

– А мне вот не лезет ничего. Тошнит чего-то.

– Это от жару.

– А вот пить... Ведро бы зараз выпил.

– Дать? – спросил Сенька и потянулся за кружкой.

– Дай.

Николай, морщась от боли, но с аппетитом выпил поллитровую кружку, откинулся на скатку и стал смотреть на голубой ослепительный кусок неба, видневшийся в отверстие палатки.

Часам к трем, когда солнце стало особенно припекать, Николай попросил, чтобы его вынесли на двор, – палатка накалилась, и у него заболела голова. Сенька выпросил у лейтенанта, лежавшего в углу, плащ-палатку и растянул ее так между кустами, что солнце совсем не мешало Николаю. Сам он пристроился рядом, отгонял лопухом от Николая мух, скручивал ему папиросы, – он довольно ловко научился это делать рукой и коленом, – и бегал на кухню прикуривать.

Над головой время от времени пролетали самолеты и бомбили большой кудрявый лес километрах в пяти отсюда – там стояла артиллерия и какая-то кавалерийская часть.

Так они лежали – Сенька на животе, Николай на спине – и говорили о «юнкерсах», об артиллерии, о кавалерии, о том, как плохо приходится ей в эту войну. Николай здорово разбирался во всех видах самолетов, учил Сеньку, как отличать «юнкерс» от «хейнкеля» и «Мессершмитта-110», как надо стрелять в самолет, когда он низко летит. Потом им надоело разговаривать, и они просто лежали и смотрели на небо, следя за косяками летящих бомбардировщиков.

Подъехали две машины с ранеными. Их быстро разгрузили под деревьями, а машины загнали в кусты. Опять стало пусто, только часовой у палатки ходил взад и вперед, перекладывая винтовку из руки в руку.

– И чего это он все ходит и ходит? – спросил вдруг Николай, смотря на часового. – На передовой людей не хватает, а он здесь торчит.

– Положено так, должно быть, – уклончиво ответил Сенька и стал возиться с плащ-палаткой. – Перетянуть, что ли, а то солнце заходит.

– Может, дезертиры тут с нами лежат? А? Как ты думаешь?

Сенька ничего не ответил. Стоя на коленях, он натягивал плащ-палатку.

– А ты знаешь, – помолчав, сказал Николай, – по-моему, тот, что рядом с тобой лежит, самострельщик. Вид у него какой-то такой...

– Может быть, – неопределенно ответил Сенька. – Тебе воды не принести? – Сенька встал. – Там, на кухне, свежей, кажется, привезли.

– Не стоит, не хочется. А я вот с ними бы не цацкался. Лечат чего-то их, возятся. Кому это надо? Люди там, – он кивнул головой в сторону, где день и ночь громыхало, – из кожи вон лезут, держат, а эти сволочи о шкуре своей только думают... Пострелял бы их всех к чертовой матери. Дай-ка я докурю.

Сенька протянул окурочек.

– И, знаешь, – Николай с трудом повернул голову, чтоб увидеть Сеньку, – их сразу отличить можно. Морды воротят, в глаза не смотрят. Чувствуют вину свою, гады, – он вдруг засмеялся. – Вот у тебя тоже левая ладонь – совсем самострельщик. Тебя чем это? Пулей или осколком?

– Пулей, – чуть слышно ответил Сенька и побежал с котелком на кухню.

– 6 –

Вечером пришел приказ переходить на другое место. Вся ночь ушла на переезд. Сенька сам устроил Николая в машине и ехал все время рядом, поддерживая его. Николай лежал у самой кабины, там меньше трясло. На ухабах он крепко хватал Сенькину руку, но ни разу не пикнул. Дорога была отвратительная.

На новом месте Николая с Сенькой чуть не разлучили. Сенька долго бегал за старшим врачом, командиром батальона, но те даже и слушать не хотели, отмахивались – дел и так по горло: машина с инструментами застряла в дороге, а новые раненые стали уже поступать. Только под самое утро Сенька договорился с каким-то фельдшером, и Николая положили в Сенькину палатку, хотя в ней, кроме него и Ахрамеева, были только «черепники».

Весь следующий день они спали.

Вечером пришел старший врач, грузный, с сонными маленькими глазами армянин, посмотрел на Сенькину руку, сказал, что недельки через две выписывать уже можно, а Николая велел записать в список для эвакуации.

– Придется поваляться, молодой человек. Боюсь, как бы легкое не было задето.

Николай только вздохнул.

Но прошел день, и еще день, и еще один, а Николая все не эвакуировали. Машин было всего три – две полторки и одна трехтонка – и в первую очередь отправляли «животиков» и «черепников». Раненых с каждым днем становилось все больше и больше. Фронт медленно, но упорно двигался на восток. Круглые сутки гудела артиллерия. Над передовой висела авиация.

Дни стояли жаркие. Одолевали мухи. По вечерам – комары. Раскаленный воздух дрожал над потрескавшейся землей. Серые от пыли листья беспомощно висели над головой. Медленно ползло по бесцветному от жары и пыли небу ленивое июльское солнце.

Сеньку в палатке прозвали Николаевым адъютантом. Он ни на шаг не отходил от него – мыл, кормил, поил, выносил судно. Спер на кухне большую медную кружку, чтоб у Николая все время под руками была холодная вода, приносил откуда-то вишни, усиленно пичкал где-то раздобытым стрептоцидом, отдавал свою порцию водки, говоря, что не может в такую жару пить, и Николай с трудом, морщась, глотал ее, хотя ему тоже не хотелось, – просто чтоб не обижать Сеньку.

Николаю становилось лучше. Температура упала – выше 37,5 – 37,6 не подымалась. По вечерам, когда все в палатке засыпало и только наиболее тяжелые ворочались и стонали, Сенька с Николаем долго болтали в своем углу. Сенька полюбил эти вечера. Где-то над самой головой успокоительно стрекотали ночные «кукурузники», а они лежали и перемигивались папиросами.

– Ты за лисицами охотился? – спрашивал Сенька.

– Нет, не охотился, – отвечал Николай.

– А за медведями?

– И за медведями не охотился.

– Приезжай тогда после войны ко мне. Я тебя научу охотиться. У нас там горностаи, куницы есть, а белок...

И Сенька со всеми подробностями рассказывал, как он с отцом на охоту в тайгу ходил на целую неделю, и как медведь чуть не оторвал хвост Цыгану, и с тех пор шерсть из него стала вылезать и хвост совсем стал голый.

Николай слушал, иногда покашливая, потом спрашивал:

– А за кукушками ты охотился?

– Кто ж за ними охотится? Кому они нужны? – смеялся Сенька.

– А я вот охотился.

– Врешь.

– Зачем вру? Они там большие, жирные, пуда в три-четыре весом.

– Где ж это такие кукушки?

– В Финляндии такие кукушки.

– А ты и в Финляндии был?

– Был. Какисальми – слышал? Нет? Тем лучше. Я добровольцем тогда был. Вот эти два пальца отморозил тогда. И на ноге, на левой, четыре.

– Ты и орден там получил? – спросил Сенька.

– Там...

Сенька выждал немного, думая, что Николай еще что-нибудь скажет, но Николай ничего не говорил. Тогда Сенька спросил:

– А за что ты его получил?

– Чудак ты, Сенька. За что да за что. За войну, конечно.

– Нет... За что именно?

– Черт его знает. В разведку ходил. «Языка» ловил.

«Врет, – подумал Сенька, – наверное, танк подбил или генерала в плен взял...»

Некоторое время они лежали молча, прислушиваясь к звону ночных кузнечиков. Полы палатки были приподняты, и над головами видны были звезды. Где-то сверкали зарницы.

– Эх, Сенька, Сенька... – тихо сказал Николай. – Жаль, что не в одной части мы с тобой. Взял бы я тебя к себе. Хороший бы разведчик из тебя получился. Раз охотник – значит, и разведчик. Помкомвзводом бы назначил.

– Я карту не умею читать, – сказал Сенька.

– Научился бы. – Николай, помолчав, вздохнул. – А завтра меня эвакуируют. Это уже точно. Доктор сказал. В тыл повезут. Ты воевать будешь, а я месяца четыре бока отлеживать где-нибудь в Челябинске, – и опять помолчал. – А до чего не хочется, Сенька, если бы ты знал...

Сенька ничего не ответил.

Больше всего в жизни ему хотелось сейчас быть у Николая помкомвзводом. Ох, как бы он у него работал... И обязательно бы сделал что-нибудь очень геройское. Так, чтоб все о нем заговорили. И орден бы ему дали. И чтоб обязательно геройский этот поступок на глазах у Николая был сделан. Или нет, наоборот. Он придет потом, после геройского поступка к Николаю, а на груди – орден. Все равно какой – Красная Звезда или Красное Знамя, – Красное Знамя, конечно, лучше. И Николай спросит его: «За что орден получил, Сенька?» А он небрежно так, закуривая, скажет: «За что дают, за то и получил». И сколько бы Николай ни допытывался, ни за что бы не сказал...

На следующий день Николая тоже не эвакуировали. Где-то разбомбили мост, и машины стали ходить вкруговую. К тому же одна поломалась, и работали теперь только две.

Целый день шел дождь. Палатка была дырявая – посечена осколками, – и дождь тоненькими струйками, точно душ, орошал бойцов. Но никто не ворчал – уж больно жара надоела.

– Да и ребята на передовой отдохнут малость, – смеялись раненые, – меньше будут головы кверху задирать.

Сенька достал в соседней палатке потрепанную, без начала и конца книжечку – пьесу Гоголя «Женитьба» – и, водя пальцами по строчкам, читал вслух. И хотя читал он медленно, запинаясь – мешали какие-то незнакомые буквы, – всем очень нравилось, и смеялись дружно и весело.

Как раз когда Сенька дошел до того места, где Подколесин в окно выскочил, в палатку вошел красноармеец.

– Тебе чего? – строго спросил Сенька, не отрывая пальца от книги, чтоб не потерять места. – Видишь, заняты люди.

Красноармеец равнодушно посмотрел на Сеньку, прислонил винтовку к подпиравшему палатку шесту и стал искать что-то в кармане.

– Ну, долго искать будешь?

Красноармеец нашел наконец нужную бумажку и таким же равнодушным, как и глаза его, голосом сказал:

– Самострельщики тут которые? На двор выходи. Следовательно вызывает...

У Сеньки запрыгали буквы перед глазами. Он даже не расслышал, как произнесли его фамилию. Он встал и, ни на кого не глядя, вышел из палатки.

Потом он стоял перед каким-то лейтенантом с усиками. Лейтенант что-то спрашивал. Сенька отвечал. Потом лейтенант велел ему сесть. Он сел и стал вырывать из бинта белые ниточки одну за другой. Голос у лейтенанта был тихий и спокойный, но говорил он очень по-городскому, и Сенька не все понимал. Слова лейтенанта как-то не задерживались в нем, проходили насквозь. Он сидел на траве, поджав по-турецки ноги, смотрел на круглое, розовое, чисто выбритое лицо лейтенанта, на тоненькие, как две ниточки, усики и ждал, когда ему разрешат уйти. И когда лейтенант встал и стал застегивать планшетку, Сенька понял, что разговор кончился, что ему можно идти, и тоже встал.

В палатку он не вошел. Он лег на траву под расщепленным дубом и пролежал там до самого вечера. Несколько раз подходил к нему Ахрамеев. Сенька делал вид, что спит. В последний раз Ахрамеев пришел и уселся рядом. Сенька лежал с закрытыми глазами, слушая, как возится и побряхтывает рядом Ахрамеев, потом повернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

– Чего тебе надо от меня?

Ахрамеев пожевал губами и криво улыбнулся.

– Как чего? Время настало...

– Какое время?

Ахрамеев опять криво усмехнулся.

– Какое время... Драпать время... Часа через два стемнеет... А тут село в трех километрах. Найдём дуру какую-нибудь – и...

Сенька почувствовал, как лицо, уши, шея его заливаются кровью.

– Иди ты к... – и сжал кулак.

Ахрамеев что-то еще хотел сказать, но запнулся, искоса как-то посмотрел на Сеньку, встал и, стряхнув с колен землю, быстро зашагал к палатке. Сенька перевернулся на живот и уткнулся лицом в согнутые руки.

Когда совсем стемнело, Сенька вернулся в палатку. Он долго стоял у входа, прислушиваясь, что делается внутри. Потом вошел. Николай уже спал, закрывшись шинелью. Сенька принес свежей воды из кухни, лег на свою солому и всю ночь пролежал с открытыми глазами. Под утро он все-таки заснул.

Проснулся поздно, когда все уже позавтракали. У изголовья стоял котелок каши, Николай лежал и смотрел куда-то вверх. Сенька встал. Николай даже не пошевелился. Сенька вышел и принес чай. Потом тихо спросил Николая:

– Кушать будешь?

Николай ничего не ответил. Лежал и смотрел вверх.

Целый день Сенька пролежал под дубом. Когда вернулся, Николая уже не было. На его месте лежал другой. Котелок с остывшей кашей, нетронутый, стоял на прежнем месте.

– 7 –

До сих пор в палатке не знали, что Сенька самострельщик. То ли часовые об этом никому не говорили, то ли открытое, ясноглазое, с редкими оспинками лицо его не внушало подозрения, то ли просто каждый занят был самим собой и своими ранами, – в палатке были в большинстве тяжело раненные, – но только никто ничего не знал. И даже сейчас, когда тайна его раскрылась, нельзя было сказать, чтобы обитатели палатки обижали его или как-нибудь по-особенному относились к нему. Нет, этого не было. Но что-то неуловимое, какая-то невидимая стена выросла между Сенькой и окружающими. На вопросы его отвечали сдержанно и кратко. Сами в разговор не вступали. Раньше по вечерам бойцы просили, чтоб он спел что-нибудь – у него был несильный, но чистый, приятный голос, – и он пел им негромко, чтобы не мешать особо тяжелым, старые русские песни, которым отец учил его. Сейчас его не просили уже.

А как-то раз долго искали нож, чтоб нарезать хлеб, и хотя все знали, что у Сеньки есть замечательный охотничий нож с костяной ручкой в пупырышках, никто у него не попросил, а взяли у часового.

И Сенька молча лежал в своем углу, смотрел на ползающих по парусиновым стенам мух и прислушивался к все более приближающейся артиллерийской канонаде. Прибывшие раненные говорили, что немец будто где-то прорвался.

Вечером немецкий «кукурузник» сбросил на рощу несколько «трещоток». Раненные стали выползать из палатки. Сенька не шелохнулся.

Всю ночь мимо рощи тянулась по дороге артиллерия. Сначала тяжелая на тракторах, потом поменьше, но тоже тяжелая. Сенька лежал на животе и смотрел из-под завернутой полы палатки, как ползут, громяхая, по дороге пушки, плетутся одна за другой подводы. Пехоты не было. Шла артиллерия. Всю ночь шла.

К утру какая-то часть завернула в рощу. Комбат и старший врач, потные и злые, бегали взад и вперед, ругались с артиллеристами. Но артиллеристы не слушали их и расставляли свои пушки вокруг палаток, забрасывая их ветками. Артиллеристы тоже были потные и злые, голоса были у них хриплые.

Целый день где-то совсем недалеко стреляли пушки. Немецкие самолеты бомбили дороги и леса. По дороге шли раненные. И уже не одиночками, а группами – по два, по три, пять человек. Некоторые заходили в рощу – на дороге стоял указатель с красным крестом, – другие шли дальше, грязные, оборванные, с волочащимися по земле винтовками.

К вечеру медсанбат стал сворачиваться. Сняли палатки и сложили их на опушке. Откуда-то приехали большие, крытые брезентом машины.

Сенька взял свою скатку, котелок и, стоя у дороги, смотрел, как укладывают ящики в машину. Артиллеристы одну за другой вытягивали свои пушки на дорогу.

Кто-то с большой сумкой на боку – кажется, фельдшер из третьей палатки – пробежал мимо Сеньки.

– А ты чего, красавец, стоишь? Давай к большому дубу.

– А там что?

Фельдшер крикнул что-то непонятное и побежал дальше.

Сенька пошел к большому дубу. Там стояла шеренга человек в двадцать красноармейцев, и низенький майор в выцветшей солдатской пилотке, и с большой рыжей, набитой бумагами полевой сумкой на боку говорил им что-то.

– На левый фланг... На левый фланг, – замахал он рукой Сеньке, направившемуся было к нему.

Сенька стал на левый фланг, рядом с долговязым, длинноусым бойцом. Голова у бойца была перевязана. Все стоявшие в шеренге были легко раненые: у кого рука, у кого голова, шея.

Майор прошел вдоль строя и записал в маленькую книжечку фамилию и имя каждого и из какой кто части. Последним он записал Сеньку и сунул книжечку в карман.

– Зачем это он записывает? – спросил Сенька длинноусого.

Тот осмотрел его с ног до головы.

– Первый день, что ли, в армии? Не знаешь, зачем записывают?

"Неужели кончать уже будут? – подумал Сенька, и что-то тоскливое подступило к сердцу. Большая, забрызганная грязью машина, фыркающая, выползла из кустов и остановилась под дубом. Все начали залезать в нее. Сенька тоже влез.

Майор выглянул из кабины и спросил:

– Все?

– Все... – ответило сразу несколько голосов из кузова.

– Поехали... – Майор хлопнул дверцей.

Машина тронулась.

– Куда это нас везут? – спросил Сенька кого-то, сидящего рядом на борту, – стало совсем уже темно, и лица превратились в белые расплывчатые пятна.

– На передовую, куда ж... – коротко ответил совсем молодой голос.

– На передовую? – Сенька почувствовал, как все в нем замерло.

– Не слыхал, что ль, что майор говорил? В полк там какой-то. Пополнение. Всех ходячих...

Сенька схватил соседа за руку. У того даже хрустнуло что-то.

– Врешь...

Сосед выругался и попытался отодвинуться.

– Пьяный, что ли? На людей бросаешься...

Сенька ничего не ответил. Он увидел вдруг над собой небо, страшно большое и высокое, увидел звезды, много-много звезд, совсем таких же, как дома, на Енисее, и ему вдруг страшно захотелось рассказать кому-нибудь, как хорошо у них там, на Енисее, гораздо лучше, чем здесь, как проснешься иногда утром и двери наружу не откроешь – все снегом замело...

Он ткнул соседа в бок.

– Ты откуда сам?

– Чего? – не расслышал сосед.

– Сам откуда – спрашиваю.

– Воронежский. А что?

– Да ничего. Просто так... А я вот из Сибири, с Енисея... – он сделал паузу, ожидая, что сосед что-нибудь скажет, но тот молчал, держась обеими руками за борт. – Река такая есть –

Енисей. Не слышал? Весной разольется – другого берега не видно, совсем море. А когда лед трогается, вот красота... Тут небось и реки не замерзают вовсе...

Боец ничего не ответил. Машина круто повернула, и все навалились на правый бок. Сенька плотнее надвинул пилотку, чтоб не снесло, расстегнул гимнастерку и вдохнул полной грудью свежий, напоенный запахом меда ночной воздух.

– Холодок, хорошо...

– Через час согреешься, – мрачно буркнул сосед и отвернулся.

Машина прибавила скорость.

Они ехали среди высоких нескошенных хлебов, сворачивая то вправо, то влево, через разрушенные села, через рощи и лесочки, наклоня головы, чтоб ветки не били по лицу. Ветер свистел в ушах, и где-то впереди, точно зарницы, вспыхивали красные зарева и медленно всплывали вверх, и затем падали ослепительно яркие ракеты.

Потом они долго сидели у стенки какого-то полуразрушенного сарая, и где-то совсем рядом строчил пулемет и рвались мины, и курить им строго-настрого запретили, а немного погодя пришли какие-то двое и раздали им винтовки и гранаты.

Сенька винтовки не взял, только гранаты – шесть «лимонок» и две «РГД». Растыкал по карманам и повесил на пояс.

Потом повели куда-то через огороды к речке. Посадили в траншеи. В траншее было пусто. Это были старые траншеи, они успели уже обвалиться и заросли травой.

«На той стороне, верно, немцы», – подумал Сенька и спросил у сержанта, который их вел, немцы ли на той стороне.

– Немцы, немцы, а то кто ж. Вчера мы там были, а сегодня немцы. Вот сидите и не пускайте их сюда. Понятно?

И Сенька сидел и смотрел на тот берег и щупал гранаты в кармане, а потом вынул и разложил их все перед собой.

В груди его что-то дрожало, он думал о Николае, и ему хотелось обнять его изо всех сил и сказать, что сегодня что-то произойдет. Что именно, он и сам еще не знал, но что-то очень, очень важное...

– 8 –

Под утро на той стороне реки что-то заурчало, будто тракторы ехали. Но было темно, и ничего нельзя было разобрать. Потом перестало. Заквакали лягушки. Выползла луна. Где-то сзади, в траншее, послышался разговор. Двое командиров подошли к Сеньке. Один хромал и опирался на палочку.

– Какой роты, боец?

– А мы не с рот... Мы с медсанбата, – ответил Сенька и вытянул руки по швам.

– А-а-а... – неопределенно протянул хромой и, помолчав, спросил. – Танки где гудели?

«Значит, танки, а вовсе не тракторы». Сенька указал рукой в сторону, откуда доносился звук.

– К мосту прут, сволочи, – сказал хромой.

Другой командир выругался. У него был хриплый, простуженный голос.

– А куда ж? Конечно, к мосту.

За рекой опять заурчало. Сначала тихо, потом громче и громче. Хромой облокотился о бруствер и приложил руку к уху.

– Штук десять, никак не меньше.

– Часа через три рассветет.

– Часа через три, а то и раньше.

– Ч-черт...

– Синявский что – убит?

– Убит.

– А Крутиков?

– И Крутиков... Эх, был бы Крутиков... К самому танку бы подполз и на мосту бы подорвал.

– И бутылки ни одной со смесью?

– Будто не знаешь...

Они помолчали.

– Пройдем во вторую... к Рагозину.

Они ушли.

Сенька проводил их глазами – некоторое время еще было видно, как мелькали их головы над траншеей, – и облокотился о бруствер. Луна взошла уже высоко, и на той стороне был виден каждый домик. Они смешно лепились по самому откосу – берег был крутой. Чуть левее виднелась церковь. Из густой зелени выглядывала только маковка с крестом. Правее, вверх по течению, через реку тянулось что-то черное и плоское – должно быть, мост. Из-за домиков то тут, то там, осыпаясь золотым дождем, взвивались вверх ракеты и, осветив, как днем, белые домики и купы деревьев над рекой, шипя, гасли в камышах. Лениво строчили пулеметы. Красные и зеленые точки, догоняя и перегоняя друг друга, терялись где-то на этой стороне. Иногда около церкви начинал щелкать миномет, а потом откуда-то сзади доносились разрывы мин. С нашей стороны никто не отвечал.

Один раз, когда взлетела ракета, Сенька увидел трех человек, бегущих к реке, и понял, что это и есть немцы. Он чуть-чуть не бросил в них гранату, но вовремя спохватился – речка была широкая, метров восемьдесят, никак не меньше.

Опять послышались чьи-то шаги по траншее. Сенька обернулся. Те же двое, что проходили недавно.

– Ну как? – спросил один из них, останавливаясь около Сеньки.

– Да ничего. Стреляют помаленьку, товарищ... – Сенька запнулся, не зная, как обратиться.

– Лейтенант, – закончил за него командир и спросил, нет ли у него спичек.

– «Катюша» только, – ответил Сенька.

– Давай «Катюшу».

Сенька порылся в кармане, вытащил длинный, с пол-метра, фитиль, кремь, металлическую пластинку для высекания огня – все аккуратно завернутое в тряпочку – и протянул лейтенанту.

– Мы здесь рядом будем, – сказал лейтенант и прошел немного дальше по траншее.

Сенька опять облокотился о бруствер и стал смотреть на противоположный берег. Слышно было, как командиры долго высекали огонь – очевидно, не зажигался фитиль, – потом один из них спросил, который час.

– Тридцать пять второго.

Помолчали.

– Надо решение принимать, Ленка... Через час будет поздно...

– Надо...

– Кого ж послать? У меня три человека всего. Два из них раненые, а Степанов... да что о нем говорить...

– А гранат сколько?

– Гранат хватит. С гаком хватит. Ящиков пять. Да бросать их надо умеючи... Нету Крутикова. А Степанов только полные штаны надевает.

– А медсанбатовские?

– Что медсанбатовские... Одни калеки. С них спросить-то не спросишь. Подведут только.

Они долго молчали. Было видно только, как вспыхивают папиросы. Потом тот, которого звали Ленка, сказал:

– Значит... кому-то из нас. Или мне, или тебе.

– Куда тебе. С ногой-то...

– Не ногами же кидать. Руки здоровые. А ты левой и на десять метров не кинешь.

– Кину или не кину – другой вопрос, через час танки уже здесь будут.

И в подтверждение его слов за рекой опять заурчало.

Сенька пристально посмотрел в ту сторону, где урчало, ничего не увидел, собрал с брестера гранаты, подтянул потуже ремень, расправил складки спереди, надел скатку через плечо и, засовывая гранаты в карман, подошел к командирам.

Где-то вдалеке пропел петух.

— 9 —

Первый танк неуверенно как-то вылез из-за полуобвалившейся хаты и, точно поколебавшись, идти дальше или не идти, медленно, переваливаясь с боку на бок, пополз к мосту. По нему никто не стрелял. Пушек в полку уже не было.

Танк медленно подполз к мосту. Остановился. Сделал три выстрела, — снаряды разорвались где-то совсем недалеко, за спиной у Сеньки, — и пошел по настилу. Из-за хаты появился другой танк.

Сенька взял связку гранат и взвел центральную. Три другие связки лежали рядом на траве.

Танк медленно полз, громыхая гусеницами. Он был серый, и на боку у него был черный крест, обведенный белой краской. Рядом с крестом ярко-красным пятном выделялся какой-то нарисованный зверь с задранными лапами.

«Совсем как на картинке, — вспомнил Сенька изображение танка, которое ему показывали в землянке. — Вот там баки с горючим, там мотор... Первую, значит, под гусеницы, вторую в баки, а дальше...»

Сенька стал на одно колено. Другой ногой уперся в какой-то корень. Мешали ветки кустарника. Сенька осторожно обломал их, потом взял связку гранат и проверил взвод.

Танк полз по мосту. Мост изгибался под ним, и, если б не грохот гусениц, вероятно, было бы слышно, как он скрипит.

Танк проехал три пролета. Осталось еще два. Сзади на мост въезжал уже другой. Третий полз по берегу.

Сенька посмотрел на небо — оно было чистое-чистое, без единого облачка, — на берег, на кусты, на ослепительно желтый песок у воды, стиснул зубы, размахнулся как можно сильнее и бросил связку прямо под гусеницы. Потом вторую. Потом встал во весь рост и бросил третью.

Гигантский клубок пламени взметнулся к небу.

С того берега застрочил пулемет.

Сенька припал к земле, нащупал рукой четвертую связку, взвел ее и тоже бросил. Она не долетела до моста, попала в воду. Громадный фонтан воды взвился к небу, и под Сенькой задрожала земля.

Танк горел, пуская клубы густого, черного как сажа дыма. Какие-то люди бежали по мосту в обратную сторону. Второй танк пятился назад.

Сенька надвинул на брови пилотку и, согнувшись, побежал к видневшемуся сквозь сосенки белому домику.

Когда он подбежал уже к самому домику, сзади что-то оглушительно грохнуло. Сенька на бегу обернулся. Два пролета моста охвачены были огнем.

Танка больше не было видно.

Клубящийся черный столб дыма медленно расплзлся по ослепительно голубому небу.

1950